

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ВНУТРЕННЕГО МИРА,
ТРУДНОСТИ В ЕЕ ПРОДУЦИРОВАНИИ И ПОНИМАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. УИЛСОНА «ПАРАЗИТЫ СОЗНАНИЯ»)**

В статье рассматриваются метафоры, отображающие реалии внутреннего мира (феномены психики) в романе К. Уилсона «Паразиты сознания», анализируются причины затруднений в их продуцировании и понимании. Список трудностей основан на материале конкретного художественного произведения.

Ключевые слова: английский язык, метафора, феномены психики, концепты внутреннего мира, базовые метафорические модели, продуцирование и понимание метафор.

Время от времени практически у каждого человека возникает потребность рассказать другим о своих переживаниях, выразить в словах чувства, порой очень непривычные для него, и узнать, знакомы ли эти чувства кому-то еще. И чем необычнее переживания, тем труднее при этом подобрать соответствующие средства языка.

Проблема адекватного отображения событий внутреннего мира затронута в романе современного английского писателя Колина Уилсона «Паразиты сознания» [1]. Будучи фантастическим по форме, по существу это произведение является философской притчей о безграничных способностях человека, которым что-то все время не дает развиваться в полную силу. Источником лени, вялости, постоянных забот о сиюминутном, агрессии, отчаяния – вообще всего, что только может помешать духовному росту, – в романе оказываются злоеущие существа-паразиты, якобы тайно живущие в глубинах человеческого сознания и питающиеся его жизненной силой. Чтобы их не обнаружили, они всеми средствами отвлекают людей от познания глубин души, а на тех, кого не удалось отвлечь, натравляют подвластное себе большинство землян. Главный герой романа, профессор Остин, и его единомышленники постепенно открывают для себя тайны собственного сознания, чтобы, совершенствуясь, одолеть паразитов. Неудивительно, что в повествовании, которое ведется от лица Остина, есть место и детальному описанию их духовного опыта, и рассуждениям о трудностях такого описания – с одной стороны и его понимания – с другой.

Трудности начинаются уже с того, что «лексика располагает малым количеством слов, которые с самого начала обозначали феномены психики» [2, с. 76] и что «почти вся современная психологическая терминология – это чистая метафора: слова с конкретным значением были приспособлены к тому, чтобы обозначать явления психологического порядка» [2, с. 76]. Лингвисты отмечают особую продуктивность метафоры как средства вторичной номинации «невидимого мира» [3, с. 175], видят в направлении «от конкретного к абстрактному, от

материального к духовному» один из магистральных путей метафорического переноса [4, с. 12]. Поскольку неточное высказывание, содержащее метафору, может допускать двусмысленное истолкование, описание реалий внутреннего мира, порой требует от говорящего дополнительных разъяснений. Так, употребляя в отношении фантастических паразитов сознания (природа которых читателю еще неизвестна) слова *see, sight* в метафорическом смысле, персонаж – в данном случае это друг профессора Остина, психолог Карел Вайсман, рассказавший о своем опыте самопознания в дневнике, – вынужден оговариваться:

“And suddenly, I had a distinct feeling of *something living and alien hurrying out of my sight. I am not, of course, speaking of physical sight.* This was entirely a “feeling”. But it had such an imprint of reality that for a moment I became almost insane with terror” (Wilson, 78).

“*I could not, of course, “see” them in the ordinary sense,* but I could *feel* their presence as clearly as one can feel toothache. They were down there, at a level of my being where my consciousness never penetrates” (Wilson, 80).

В данных примерах реалии внутреннего мира фантастичны, связаны с присутствием в нем таинственных паразитов, но это не меняет сути дела: описание вполне реальных явлений психики, известных говорящему и, по его предположению, неизвестных адресату, потребовало бы похожих ухищрений.

Другая трудность при описании явлений психики заключается в том, что стертые метафоры могут оказаться устаревшими в контексте новых знаний говорящего и потребовать опровержения. Так, несколько раз употребив стертую метафору сознания как «предмета, находящегося внутри нас» (например: “Space extends to infinity outwards; the mind stretches to infinity *inwards*” (Wilson, 41), и далее: “...I stood there, totally oblivious of the outside world, straining all my powers to stare into those *inner* spaces...” (ibid.); ср. русское «внутренний мир»), Остин опровергает ее, как только она начинает мешать

пониманию его философской мысли: “In a certain sense, universal mind and universal space-time are coincidental, as Whitehead understood. Mind is not really “inside” us in the same sense that our intestines are” (Wilson, 98).

Роман «Паразиты сознания» изобилует метафорами, большинство которых служат именно для описания духовного опыта персонажей. Среди этих метафор встречаются стертые (“train of thought” (Wilson, 50); “Husserl’s seed fell on fertile ground” (Wilson, 102); “my spirits sank” (Wilson, 202) и т. п.), но характерная особенность стиля Уилсона – избыток метафор индивидуально-авторских. Герои Уилсона употребляют их как при наименовании своих новых переживаний, так и в размышлениях об уже имеющих название, в том числе широко известных, психических феноменах.

Эвристическую и эстетическую функции в таких размышлениях выполняют также сравнения, которые Уилсон нередко чередует с метафорами. Как в русской, так и английской филологических традициях метафору и сравнение понимают как различные тропы (о синтаксических различиях между ними см. [5, с. 26–29]). Данная статья посвящается прежде всего анализу метафор, но в случаях, когда развернутые метафоры тесно связаны со сравнениями, они будут рассматриваться как единое целое, как конвергенции стилистических приемов (ср. [6, с. 64–65]).

Рассмотрим, какие особенности психических феноменов Уилсон обозначает с помощью метафор и какие области лексики служат источниками этих метафор. Вслед за писателем коснемся также проблемы понимания содержания этих метафор.

Сознание в целом (mind), которое, как известно, является не психическим процессом, но тем «уровнем, где синтезируются все конкретные психические процессы» [7, с. 66], на протяжении всего романа становится областью цели для трех базовых метафорических моделей: «СОЗНАНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО», «СОЗНАНИЕ – ЭТО ТЕЛО» и «СОЗНАНИЕ – ЭТО МАШИНА».

1. Метафора «СОЗНАНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО» представлена наибольшим количеством примеров, причем основывается на различных общих свойствах, приписываемых этим двум феноменам героями Уилсона. Следующие свойства можно считать наиболее существенными для понимания авторского замысла.

1.1. Бесконечность, неограниченность. “I had been assuming that man is limited because his brain is limited... But the spaces of the mind are a new dimension. The body is a mere wall between two infinities. Space extends to infinity outwards; the mind stretches to infinity inwards” (Wilson, 41).

1.2. Единство. Постулируемое Остином единство мирового сознания (“universal mind”) уподобляется единству пространства: “If there was a racial unconscious, then human minds are not separate islands, but are all part of some great continent of mind” (Wilson, 49); “Our individuality is a kind of eddy in the sea of mind, a reflection of the total identity of the universal humanity” (Wilson, 98–99).

1.3. Разнородность, многообразие проявлений. В метафорах пространство сознания то расширяется до размеров планеты (“Huxley, apparently, had ... spoken of the mind as a world of its own, like the world we live on – a planet with its own jungles and deserts and oceans” (Wilson, 49–50)), то буквально через несколько абзацев сужается до садового участка, который, однако, предстает наполненным всякой живностью и не полностью зависящим от владельца: “I speak of “my mind” as I speak of “my back garden”. But in what sense is my back garden really “mine”? It is full of worms and insects who do not ask my permission to live there. It will continue to exist after I am dead...” (Wilson, 50).

1.4. Структурированность разнородного пространства-сознания передается метафорой «уровней сознания». К уровням сознания Уилсон относит deepest levels (Wilson, 76), они же – lower regions of the mind inhabited by the parasites (Wilson, 166) и противопоставленный им поверхностный, повседневный уровень – the surface (Wilson, 155). Один из глубинных уровней nursery level (Wilson, 207) описывается так: “There is an intensely alive feeling of warmth and innocence; it is a world of children without bodies” (Wilson, 186). Самый нижний уровень получает особое название – nothingness (ibid.).

Интересно, что уровни сознания в романе мыслятся как уровни глубины (скажем, океана), а не высоты. На это указывает выбор лексики – например, эпитеты deepest, lower, фразовый глагол to float down, повторяющиеся метафоры to sink into oneself, to descend (deeper and deeper) into one’s (own) mind. Встречаются и прямые уподобления сознания морю, например, такое развернутое сравнение: “I was like some diver at the bottom of the sea, so absorbed in contemplating the treasure of a sunken ship that I failed to notice the cold eyes of the octopus that lay in wait behind me” (Wilson, 18; осьминог – аналогия с паразитами). Или такой набор метафор: “...I was not deep enough into my own mind; I was too near the surface. The trouble was a simple one: if I sank too deep into my mind, I tended to fall asleep” (Wilson, 155). Думается, что ассоциация с морем – особенность авторского стиля, не несущая такой логической нагрузки, как метафоры деления сознания на уровни или на «географические объекты», но создающая цельный и запоминающийся образ.

Исследуя уровни сознания, герой Уилсона мыслит «самосознание» (consciousness) отдельно от себя и от сознания как некий пузырь, который он несет с собой (или в себе) и который мешает ему погружаться глубже: “My consciousness was like a bubble that wanted to rise” (Wilson, 187). Погружению в сознание мешают и другие психические процессы. Так, Остин чувствует, что язык и логическое мышление похожи на посторонние предметы, которые трудно «взять с собой» на такую глубину: “Language and meaning belong to the realm of the body. It is as difficult to carry them into the depths of one’s mind as to carry logical thought into a dream” (Ibid.).

Ближе к концу романа рассказчик понимает, что метафора «ныряльщика в глубины сознания», несущего с собой нечто легкое, выталкивающееся на поверхность, недостаточна для объяснения этих помех: “So far, I had been assuming that some “natural” cause prevented me from penetrating below a certain depth in my mind. A diver can only reach a certain depth in the sea – at which the weight of water he displaces is equal to the weight of his own body. If he wants to go deeper, he has to put heavier weights on his diving suit. But I did not know of any method of making my mind heavier so that I could descend deeper into myself, and I had been assuming that this explained my failure to penetrate deeper. But did it? Now I thought about it, I realized that what prevented me from going deeper was a drain on my sense of purpose. My mind seemed to go blank...” (Wilson, 207). Новая метафора «расплывчатости/размытости ощущения смысла (своих действий)» вытеснила старую, оказавшуюся эвристически бесполезной (действительно, идея «утяжелить ум», чтобы погрузиться в свои же собственные глубины, заводит в тупик!). Так перемена метафор способствует выработке новой мысли. (Вообще употребление одной метафоры для уточнения или разъяснения другой характерно для описаний феноменов психики в романе «Паразиты сознания»).

1.5. Неизученность и необходимость исследования. По этой комбинации признаков сознание не уподобляется, а скорее, противопоставляется уже довольно освоенной земной поверхности: “Husserl had realized that while we have ordnance survey maps that cover every inch of our earth, we have no atlas of our mental world” (Wilson, 79); “imagination... is a brief excursion into the great unknown countries of the mind” (Wilson, 102). Изучение сознания приравнивается к великим путешествиям прошлого: “He would explore the countries of the mind as Livingstone and Stanley explored Africa” (Wilson, 85).

1.6. В конце романа сознание уподобляется странству уже как исследованное рассказчиком. Приобретя большой опыт путешествий по созна-

нию, профессор замечает: “I now found that I could descend into my mind with extraordinary ease... I was able to move around in my mind as simply and as freely as a man with a motor car can move around the country” (Wilson, 214).

2. Метафора «СОЗНАНИЕ – ЭТО ТЕЛО» основывается на таком ряде сходных признаков.

2.1. И тело, и сознание подвержены болезням. На страницах романа мы находим mind cancer (Wilson, 70), “a sense of mental oppression, a kind of nausea” (Wilson, 134); о душевной усталости говорится: “My mind felt rusty and cramped...” (Wilson, 133), “I felt paralysed, exhausted” (Wilson, 140).

«Болезни духа» поддаются «лечению»: “I felt like a convalescent who has just seen the doctors removing some loathsome cancer from him.” (Wilson, 216). Здесь описывается, как главный герой избавился от власти паразитов сознания, т. е., говоря метафорически, исцелился от «рака сознания». Следует отметить, что, несмотря на фантастический колорит романа (например, паразиты сознания, телекинез и телепатия предстают в нем как реальность), выражение «рак сознания» остается метафорой.

Возможна и профилактика «болезней духа» – в метафорическом смысле возможно “to inoculate man against his own indifference and laziness” (Wilson, 86).

2.2. Сознание может подвергаться опьянению от чувств и мыслей: “These new ideas were a powerful intoxicant...” (Wilson, 183).

2.3. Телесные ощущения уподобляются душевным. Выше уже приводились примеры употребления слов see, sight в переносных значениях. Вот еще одно описание ощущений рассказчика, атакованного паразитами сознания: “I have occasionally been asked by the uninitiated whether I actually “saw” them, or felt that they had a definite shape. The answer is no. My sensations can best be envisaged if you imagine how it feels when you are hot and tired, and everything seems to be going wrong. Every time you start to cross the road, a bus almost runs over your feet. You feel as if the whole universe were hostile... Well, this gives an idea of the form that the attacks took” (Wilson, 135). Подчеркнутые обороты здесь принадлежат области телесного.

Другое сравнение душевного ощущения с физическим: “It was a strange shock, the feeling you would get if you were relaxed in a warm bath, and you suddenly felt a slimy movement against your leg” (Wilson, 41).

С базовой метафорой «сознание – это тело» связан такой эпизод, касающийся проблемы понимания метафор. Когда профессору Остину было необходимо донести идею о паразитах сознания до начальства ракетной базы (куда он приехал рабо-

тать в условиях строгой секретности), он стал разъяснять этим военным, что «шпионы», с которыми придется бороться, находятся у людей «внутри». Сначала это вызвало недоумение, но потом командир базы спросил: “I suppose you mean you could compare these creatures to germs that get into the bloodstream?” (Wilson, 179). Остин согласился, что да, действительно, их можно уподобить микробам. Завершается эпизод так: “I had a feeling that they were altogether happier about the idea, although the security officer was now thinking in terms of disinfectant” (Ibid.). Причина непонимания метафоры «микробов» в том, что адресат не смог отделить легшие в ее основу существенные признаки ее источника от несущественных: из утверждения, что паразиты сознания похожи на микробов, он сделал вывод, что для борьбы с ними необходимы дезинфицирующие средства.

3. Метафора «СОЗНАНИЕ – ЭТО МАШИНА» опирается на следующие имплицуемые свойства того и другого.

3.1. Необходимость подпитки энергией: “Man has to learn to relax, or he becomes overwrought and dangerous. He must learn to contact his own deepest levels in order to re-energize his consciousness” (Wilson, 76).

3.2. Несвобода сознания (его зависимость от прошлого, привычек, рефлексов) уподобляется механической работе машины: “Psychologists had been telling us for years that the human being is largely a machine. Lord Leicester compared human beings to grandfather clocks driven by watch springs. A single traumatic experience in childhood could be the foundation for a lifelong neurosis” (Wilson, 101). Или: “Animals are very nearly machines; they live on reflex and habit. Human beings are also very largely machines, but we also possess a degree of consciousness, which means, in essence, freedom from habit...” (Wilson, 195); здесь рассказчик говорит и об отличии человека от машины, которое считает наиболее существенным: о его способности быть свободным.

3.3. Употребление сознания не по назначению – точнее, «пользование» очень ограниченным набором его «функций»: “Man’s mind is like some vast electronic brain, capable of the most extraordinary feats. And yet unfortunately, man does not know how to operate it. Every morning when he wakes up, man crosses to the control panel of that vast brain, and proceeds to turn knobs and press buttons. And yet this is the absurdity: with the immense machine at his disposal, he knows only how to make it do the simplest things...” (Wilson, 96). Здесь сознание уподобляется конкретному типу машины – компьютеру.

Перечислив ряд свойств сознания как целого, переданных в романе с помощью метафор, перей-

дем к метафорам, обозначающим свойства **отдельных феноменов психики**.

Профессор Остин и его друг Карел Вайсман в метафорической форме говорят о таких **известных феноменах психики**, как:

а) внимание: “the eye of attention that was turned inward” (Wilson, 41);

б) сила воли или ее отсутствие: “He is a man who is trying to hold tight on to some central insight, and who keeps on losing it” (Wilson, 87);

в) мышление: “The others understood it intellectually, and digested it slowly, like a python digesting a rat, in a state of intellectual excitement” (Wilson, 181); “Thoughts also gain this demonic energy when freed of the body’s gravity” (Wilson, 185);

г) привычки: “These habits are so deeply ingrained that alcohol and tobacco cannot reach them” (Wilson, 76);

д) пребывание в здравом уме, противопоставленное отклонениям в психике: “...Sanity is too fragile a thing to risk” (Wilson, 87).

Но особенно щедрым на метафоры и сравнения авторский стиль становится тогда, когда речь заходит о **психических явлениях, не имеющих общепринятых кратких названий**. Вот лишь несколько характерных примеров. Явления психики, о которых идет речь, можно условно обозначить более-менее устоявшимися в русском языке метафорическими оборотами: 1) «внутренняя сила (=психическая энергия)» (ее обозначения в тексте различны, см. ниже); 2) «психическое давление» (исходит от паразитов сознания, обозначается многими способами); 3) многие «я» (в тексте – many “selves”). Несмотря на то, что в романе перечисленные феномены встречаются в фантастическом контексте (отсюда – их гиперболизация), за их образными описаниями нетрудно увидеть то, что существует и на самом деле: силу духа, позволяющую выдержать испытания; гнетущие психику внутренние противоречия; различные степени развития личности.

1. Внутренняя сила, или психическая энергия:

а) впервые она проявляется у Карела Вайсмана, когда он с пронзительной ясностью осознает природу паразитов. (Роман начинается с того, что профессору Остину сообщают о самоубийстве этого ученого, всегда очень любившего жизнь, и тот пытается разобраться, что же произошло на самом деле.) В дневнике, который читает Остин, Вайсман обозначает силу этого ОСОЗНАНИЯ с помощью метафорического эпитета searing – «жгучая» и сравнения с ударом молнии: “And then the realization came to me with such searing force that I felt as if I had been struck by lightning” (Wilson, 81);

б) затем Вайсман ощущает, что нащупанный им источник энергии СПАСАЕТ ОТ ДЕПРЕССИИ,

нагнетаемой паразитами: “When, later in the day, I felt the persistent, nagging attack of depression, I turned again to that deep source of inner power, and to my optimism about the human future. Immediately the attacks ceased...” (Wilson, 81);

в) профессору Остину приходится применить силу, описанную Вайсманом, как ОРУЖИЕ против паразитов сознания:

“This time, I decided to risk letting them get in close. I wanted to find if I could hurt them. ...With my months of preparation, I had learned to call on an inner strength that would be the mental equivalent of a hydrogen bomb. It was the first time I had ever used it, so even I had no idea of its power” (Wilson, 136).

Общий образ «ВНУТРЕННЯЯ СИЛА = ОРУЖИЕ» сохраняется, но для точной характеристики главный герой подбирает все новые сравнения, например:

“They (the mind parasites. – Ю. Г.) had mobbed me like a horde of rats mobbing a kitten – and then discovered they were attacking a full grown tiger. No wonder they were startled” (Wilson, 136);

“As soon as it started, it (the power. – Ю. Г.) spread like an atomic explosion. I was almost more afraid of it than of the parasites. Yet I also knew that *this power was being released by myself*” (Wilson, 143);

“The inexpressibly searing blast hit them like some enormous flame thrower, destroying them” (ibid.);

“I had no desire to use it for more than a few seconds. Somehow, it would have seemed unfair, like using a machine gun on children” (Wilson, 144).

Остин дает этой силе другое название – passive benevolence: “It was some great *passive* benevolence that I had contacted, something that had no power of action in itself, but which had to be approached and used” (Wilson, 143). Затем психическая энергия получает новые метафорические наименования, высвечивающие другие ее свойства: “We are talking about some immense, primeval source of energy – what Bernard Shaw called the Life Force. It is the raw vitality that drives us all” (Wilson, 206);

г) у Остина и его единомышленника Райха возникает вопрос, откуда же берется эта энергия, где залегает ее глубинный источник (some immense deep source of energy). Они выдвигают гипотезу, что у нее есть «ХРАНИЛИЩЕ» (reservoir). Сформирав соответствующие понятия – the depths of the mind и the reservoir of vital force – путем ряда умозаключений они приходят к выводу, что «хранилище психической энергии» и «глубины сознания» – не одно и то же: “That reservoir might be *in* the depths of the mind, but it wasn’t the same thing as the depths of the mind” (Wilson, 205).

2. Психическое давление. Хотя автор описывает фантастические ситуации (примеры взяты из повествования Остина о паразитах), он находит при-

мерно те же метафоры и сравнения, какие подошли бы и для отображения ситуаций из реальной жизни, когда человека обуревают внутренние противоречия:

а) “I resisted passively, as if I were not even aware of their pressure. ...The pressure increased, and I felt quietly confident. I knew I had the strength to resist fifty times this much. But half an hour later, I felt as though my mind was supporting a load the size of Mount Everest” (Wilson, 134). Повторы усиливают гнетущее впечатление.

б) “...I let them press in on me, like a great crowd” (Wilson, 136);

в) “Reich’s experience had been very much the same as mine... ...They had... pressed him hard all night, hurling wave after wave at him” (Wilson, 146).

Если учесть, что перед этим подробно описывается незримая, ощущаемая через другие, «внутренние» чувства природа паразитов сознания, то очевидно, что подчеркнутые выражения употреблены в переносном смысле.

3. Различные состояния сознания, противопоставляемые друг другу по степени развития этого сознания; иначе говоря, многие «я»:

а) между низшими («животными») и высшими («божественными») состояниями сознания есть «граница», которую можно «пересечь»: “...When man realizes that his mind is a kingdom in the most literal sense, a great unexplored country, he has crossed the borderline that divides the animal from the god” (Wilson, 84). “He would discover that he has many “selves”, and that his higher “selves” are what his ancestors would have called gods” (Wilson, 85–86);

б) Остин говорит: “I was quite detached from the human being I would have called “Gilbert Austin” two months earlier, as detached as a puppet master from his puppet. And yet while I was being watched by the parasites, I blended into my old self, and became, so to speak, a mere passenger of my old self” (Wilson, 99). Дальнейшее повествование проясняет метафору «слияния» со своим прежним «я»: имеется в виду, что рассказчик развил в себе новые качества, но надеялся скрыть это от паразитов сознания, придерживаясь прежних моделей поведения и даже мышления.

В романе также говорится о **воображаемых психофизических явлениях** или, по крайней мере, таких, реальность которых в мире, существующем помимо этого романа, не доказана, хотя названия некоторым из них уже даны: телекинез (psychokinesis), телепатия (telepathy). Их особенности тоже переданы автором с помощью метафор и сравнений. Например, о подготовке к телекинетическому передвижению Луны сообщается так: The beam of will grasped the moon, felt its shape, as a hand might feel an orange (Wilson, 244).

Наиболее впечатляющие, необычные откровения и ощущения приходят к Остину и группе его единомышленников в конце романа, когда они достигают значительных успехов в самосовершенствовании и побеждают паразитов. Но, увы... теперь Остин как никогда чувствует проблему неадекватности человеческого языка. Он сравнивает себя с гномом, увидевшим Эверест, – с гномом, в языке которого просто нет слов для обозначения чего-либо настолько высокого. Тем не менее он делает оптимистичный вывод: “Nothing is indescribable in words if you take the time and the trouble. If your present language framework is inadequate, then you must carefully create a larger one” (Wilson, 212). И важную роль в создании такого «языкового каркаса» (language framework) играет метафора.

Итак, метафора помогает точнее отобразить свойства сознания в целом и феноменов психики, за которыми в языке уже закреплены названия; с другой стороны, она служит для краткого наименования (passive benevolence, nursery level (of the mind), the reservoir of vital force) или приблизительного обозначения (the feeling you would get if you were relaxed in a warm bath...) таких психических явлений, для которых в языке – по крайней мере, обыденном, а не в терминологии психологов – еще нет обозначений. Продуцирование метафор вызывает у персонажей романа следующие незначительные затруднения: необходимость комментировать метафоры, репрезентирующие малоизвестные концепты внутреннего мира, и опровергать стертые метафоры с приобретением новых знаний.

В то же время анализ примеров показал, что метафорическая форма передачи информации о том

или ином феномене психики может затруднить и понимание этой информации (вызвать у адресата ложное представление о том, «что этим хотел сказать автор»), или не вызвать никакого целостного представления). В романе описаны два вида ситуаций, вызывающих такое непонимание (или могущих его вызвать, что рассказчик спешит предотвратить). Во-первых, это автоматическое употребление стертой метафоры, отражающей представления, противоречащие представлениям говорящего (см. пример с метафорой «внутреннего мира»). Во-вторых, это такое употребление живой метафоры, при котором адресат не может отделить существенные, т. е. легшие в ее основу, признаки области ее источника от несущественных (см. пример с метафорой «микробов»). Порой вторую ошибку совершает и сам говорящий (как в примере с метафорой «ныряльщика»): чувствуя сходство между двумя ситуациями, он некритично переносит и несущественные признаки области источника метафоры на область цели, затрудняя тем самым дальнейший ход своей мысли.

Все это не означает, будто в самом метафорическом словоупотреблении кроется некий изъян, затрудняющий понимание. Наоборот, при характеристике абстрактного понятия использование сразу нескольких метафор помогает «предупредить односторонность понимания» [8, с. 163]; к такой конвергенции метафор, а заодно и сравнений, прибегает и Уилсон. При этом варьирование областей источников метафор не только помогает читателю увидеть обозначаемое, что называется, с разных сторон, но и выполняет эстетическую функцию, усиливая выразительность повествования.

Список литературы

1. Wilson, Colin. The Mind Parasites. M., 1986. 270 с. (Все языковые примеры взяты отсюда, поэтому далее при их цитировании указываются только фамилия автора и номер страницы).
2. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Наука, 1990. С. 68–81.
3. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Отв. ред. акад. Б. А. Серебренников. М., 1988. С. 173–203.
4. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Наука, 1990. С. 5–32.
6. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. 300 с.
7. Фесенко Т. А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. 247 с.
8. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Наука, 1990. С. 153–172.

Головнёва Ю. В., кандидат филологических наук, доцент.
Дальневосточный федеральный университет (Уссурийский филиал).
Ул. Некрасова, 35, Уссурийск, Приморский край, Россия, 692500.
E-mail: golovnyova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.07.2011.

Y. V. Golovneva

METAPHORIC REPRESENTATION OF THE INNER WORLD, DIFFICULTIES IN PRODUCING AND UNDERSTANDING THESE METAPHORS (BASED ON THE NOVEL “MIND PARASITES” BY C. WILSON).

The article is devoted to the metaphors, displaying the inner world (phenomena of the psyche) in “The Mind Parasites” by C. Wilson. Reasons for difficulties in their producing and understanding are analysed. The list of the difficulties is founded on the material of the above mentioned novel.

Key words: *English, metaphor; phenomena of the psyche, concepts of the inner world, basic metaphor models, metaphor producing and understanding.*

Far Eastern Federal University (Ussuriysk branch).

Ul. Nekrasova, 35, Ussuriysk, Primorskiy region, Russia, 692500.

E-mail: golovnyova@mail.ru